

АННА СИЛ

ЗАПРЕТНАЯ
ВЕДЬМА
ПРЕДВОДИТЕЛЯ
ДРАКОНОВ

Анна Сил
Запретная ведьма
предводителя драконов

<https://litres.ru/74119268>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она должна убить его, чтобы спасти их сына.

Он должен жениться, чтобы спасти свой народ.

Пять лет назад они любили друг друга.

Сегодня — смотрят в глаза как враги, стоя по разные стороны
клятв и крови.

Он верит, что она мертва.

Она знает, что приговор подписан — и ему, и ей.

Но как выполнить приказ, если сердце всё ещё помнит огонь,
а в мире, где клятвы важнее чувств, любовь может стоять
жизни?

Содержание

Глава 1. День Мира	4
Глава 2. Приказ	10
Глава 3 Тень среди золота	16
Глава 4 Музыка для других	21
Глава 5. Тишина перед ударом	26
Глава 6 Шёпот вместо стали	31
Глава 7 Запах прошлого	38
Глава 8 Когда мёртвое дышит	43
Глава 9 Между дыханием	49
Глава 10 Когда дождь смывает клятвы	58
Глава 11 Цена отсрочки	65
Глава 12 Не та	72
Глава 13 Угроза	80
Глава 14 Там, где кончается выбор	87
Глава 15 Когда долг режет горло	95
Глава 16 Право, которое лучше не использовать	101
Глава 17 Тонкая нить между нами	108
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Анна Сил

Запретная ведьма предводителя драконов

Глава 1. День Мира

Кайрен Ардэлл

Воздух в зале густел от жара и золота.

Факелы горели вдоль колонн ровным пламенем, отражаясь в полированном камне, и казалось – само здание дышит вместе с нами.

Я стоял под сводами Цитадели, среди кланов, родов, послов, и пытался выглядеть довольным.

Сегодня был день мира.

Мой день.

Лайриса стояла рядом, в платье цвета янтаря, улыбаясь так, будто не знала, что значит страх. Её отец возглавлял Совет и сам проводил церемонию. Всё шло в соответствии с традициями: речь о новой эре, о долге рода Ардэллов, о благословении предков. Я слышал эти слова с детства, когда еще

верил, что клятвы значат больше, чем политика.

Теперь – нет.

Это был спектакль.

И я был актером, который не должен запнуться, не выдать, что внутри давно пепел.

Голос Морвенна тянулся над залом, как звон стали:

– Да свяжется пламенем кровь Ардэллов и Морвеннов.

Пусть огонь примет этот союз.

Слуги внесли обсидиановый кубок. Внутри плавилось жидкое золото, и даже свет казался тяжёлым. Я принял чашу обеими руками – горячая, как дыхание дракона. Символ рода, доверия, власти.

Когда я поднес кубок, зал стих.

Глоток обжег горло, будто напоминая: я жив, хоть и не чувствую жизни.

Именно в этот момент двери распахнулись.

Шорох ткани. Холодный ветер ворвался в зал, и факелы дрогнули.

Я обернулся.

Ведьмы.

Их не было здесь со времён войны, и всё-таки они пришли

– в серых плащах, бледные, как туман над болотами. Люди на балконах зашептались, кто-то тихо выругался.

Я не дрогнул.

Это был мой жест мира, мой шаг к тому, чтобы закончить век вражды.

– Ведьмы, – произнёс я ровно. – Добро пожаловать в Дом Ардэллов.

Старшая поклонилась – формально, без тени уважения.

– Ведьмы приветствуют день мира, но не забывают цену крови.

Я улыбнулся, как положено.

– Сегодня – день, когда старые долги отпускаются.

И тогда я увидел её.

Среди серых плащей – одно лицо.

Тень, которую я видел в снах.

Она подняла голову, и время исчезло.

Те же глаза, та же линия губ. Только взгляд стал тише, холоднее.

Сердце ударило больно, резко.

Жидкое пламя в кубке вспыхнуло, вырвалось языком огня – и обсидиан треснул.

Капля золота упала мне на ладонь, оставив ожог.

Никто не заметил.

Никто, кроме неё.

Она смотрела прямо, и я понял – это не призрак.

Живая.

Селин Таль.

Женщина, которую я похоронил.

Женщина, ради которой нарушил все законы.

Женщина, которую должен был забыть.

Лайриса рядом застыла.

На долю секунды, всего лишь вдох, но этого хватило – она тоже узнала.

Её улыбка не изменилась, но пальцы, лежавшие на моем запястье, сжались слишком сильно. Кольцо из чешуи коль-

нуло кожу.

– Что это? – прошептала она, не отводя взгляда от ведьм.

– Делегация, – ответил я глухо.

– Я вижу.

Больше ничего. Только ледяная улыбка и едва ощутимое дрожание руки.

Когда ведьмы подошли ближе, я уже знал: её равнодушие – ложь.

Старшая ведьма произнесла формулу, я ответил машинально. Ведьмы поочередно делали шаг вперёд, кланялись, произносили приветствие.

Селин шла последней. Шаги ее были беззвучны, словно тень скользила по мрамору.

Плащ чертил по полу узор света и тени, серебряные нити на краях вспыхивали в огне факелов.

Когда она остановилась передо мной, воздух застыл.

Она поклонилась низко.

– Ваше высочество, – произнесла тихо, формально.

Никакой дрожи. Никакой мольбы. Только ровный, вежливый голос чужой женщины.

Она выпрямилась, не поднимая взгляда, как требовал этикет, но я всё равно почувствовал его – короткий, острый, как дыхание после раны.

Факел у трона вспыхнул ярче, ожог на ладони отозвался жаром.

Запах дождя ударил в память.

Она стояла далеко, но пламя узнало её раньше, чем я.

Когда ведьмы отступили к колоннам, Лайриса наклонилась ближе, улыбаясь всему залу, и шепнула:

– Кажется, мёртвые у нас долго не лежат.

Я не ответил. Не смог.

Музыка зазвучала вновь, зал наполнился смехом и звоном кубков.

Ведьмы остались у колонн – неподвижные, как тени, впаянные в золото праздника.

И только я знал, что праздник закончился в тот миг, когда она подняла глаза.

Моя мёртвая любовь поклонилась мне как чужому.

А моя невеста улыбнулась, как палач.

Завтра я должен был соединить с ней огонь.

Но сегодня во мне уже полыхала другая.

Глава 2. Приказ

Селин Таль

Утро пахло болотом и гниющей тиной.

Туман стелился между чёрных ив, и казалось – сам воздух здесь устал. Вода под тонким льдом дышала, как зверь в западне. Ведьмы шептались у костра, их голоса вязли в сырости, словно слова боялись вылетать наружу.

Я сидела в стороне, грея ладони над пламенем.

Огонь не любил нас. Даже заклинания горели криво, чадили. Здесь, среди серых топей, пламя всегда умирало слишком быстро.

Сегодня я должна была искупить вину.

Или умереть.

Костер догорел, когда меня позвали.

Хижина Совета стояла на кромке болота, где корни деревьев торчали из воды, как кости.

Внутри пахло кровью, травами и дымом. Мать сидела в центре, закутанная в плащ, лицо терялось в мерцании огня. Остальные ведьмы стояли по кругу, безмолвные, как тени.

– Селин Таль, – произнесла она. Голос старой ведьмы был хриплым, будто сквозь него шла сама земля. – Ты просишь искупления за грех.

Я опустила голову.

– Прошу.

– Искупление не просят. Его совершают.

Пепел в очаге поднялся и сплёлся в очертания – крылья, пламя, корона над головой дракона.

– Мир требует равновесия. Их род взял слишком много. Ты принесешь его кровь, чтобы вернуть наше место под солнцем.

Мать взяла со стола кинжал – тонкий, будто сотканный из инея. – В сердце нового предводителя.

Я кивнула, хотя пальцы похолодели.

Новый предводитель... Значит, старый пал. Странно. Предводителями не становятся младшие – если только мир не сошёл с ума.

Я выдохнула. Кого бы ни выбрали, мне всё равно.

Я просто не хотела никого убивать.

Мать медленно наклонилась, и ткань ее плаща зашуршала, будто сухие листья.

– Ребёнок останется здесь, – сказала она спокойно, словно говорила о мешке с травой. – Пока ты не вернёшься.
От костра повеяло холодом.

Я подняла глаза – и увидела, как из круга ведьм выходит одна, молодая. На её руках спал мой сын.

Серый плед, щеки красные от жара, дыхание ровное.

Маленькая ладонь сжалась в кулак и разжалась – как будто искала меня.

– Мы присмотрим за ним, – добавила Матерь. – Здесь он будет в безопасности.

Безопасность.

Я знала цену этого слова.

У ведьм всё имеет цену.

Сжала рукоять кинжала – не из покорности, а чтобы не выдать, как дрожат руки.

Они не угрожали. Не нужно было.

Каждая из нас знала, что бывает, когда кто-то не возвращается.

Я кивнула и отошла назад, чувствуя, как за спиной гаснет тепло костра.

Когда дверь хижины закрылась, Риан тихо заплакал.

Я не позволила себе обернуться.

Мы вышли до рассвета.

Туман клубился у ног, болото шептало под сапогами.

Каждая из нас шла молча, не оборачиваясь. Мы были делегацией – так это называл Совет.

Но на деле – караваном теней, ведомых долгом и страхом.

Я шагала последней.

Плащ промок до пояса, грязь засасывала сапоги, воздух резал горло.

Свет впереди рос – белый, чужой. Там, за горами, стояла Цитадель драконов.

Мы должны были передать приветствие, заключить союз, показать, что ведьмы умеют склонить головы.

Но я знала, что за моей покорностью прячется нож.

Когда холмы поднялись из тумана, я остановилась на миг.

Город сиял, как расплавленное золото.

Я прищурилась – от этого света болели глаза.

Надо дойти. Сделать. Вернуться.

И не позволить себе думать, кого именно мне придётся убить.

Ворота Цитадели открылись без звука.

Металл светился изнутри, будто дышал огнём. От этого света у меня заломило виски.

Воздух внутри был густой, горячий, тяжелый – как будто я вошла не в зал, а в пламя.

Мы двигались медленно, шаг за шагом.

Под ногами блестел камень, отполированный до зеркала.

В нём отражались наши силуэты – серые, бескровные, чужие среди золота и шёлка.

Люди и драконы стояли рядами. Их взгляды жгли не хуже костра.

Я чувствовала, как каждая искра магии отскакивает от нашей одежды, как будто сам воздух пытался нас вытолкнуть

обратно.

Старшая ведьма шла впереди, высокая, с прямой спиной.

Она не дрогнула, когда заговорил Советник – медно-рыжий, в форме, с голосом, как удар меча.

Я не слышала слов – только эхо, ритм, шорох ткани.

Мы шли к трону.

Я старалась не смотреть по сторонам, но глаза всё равно цеплялись за каждую деталь:

золото на колоннах, знаки рода Ардэллов, пламя факелов, которое не тухло даже при сквозняке.

И чем ближе был зал, тем сильнее я чувствовала – я здесь не как посол.

Не как ведьма.

Не как человек.

Я – жертва.

Глава 3 Тень среди золота

Я подняла голову – и мир обрушился.

Он.

Здесь.

На троне.

Не сон, не память, не отголосок прошлого – реальность, высокая, холодная, неотвратимая, как приговор. Линия плеч, знакомый изгиб шеи, тень над скулой... я знала каждую деталь, каждое дыхание, каждую паузу между словами этого мужчины.

Кайрен Ардэлл.

Тот, кого я любила.

Тот, кто должен считать меня мертвой.

Тот, чьё сердце мне приказано пронзить сталью.

Грудь сжала резкая пустота – будто чары выжгли изнутри воздух. Руки под плащом предательски дрогнули. Кинжал казался ледяным, пальцы – чужими.

Я должна убить его.

За сына.

За клан.

За себя.

Но взгляд встретил взгляд – и решимость треснула, как тонкий лёд под неосторожным путником.

Я заставила себя дышать.

Этот взгляд не должен был существовать. Не для меня. Не теперь.

Я опустила ресницы – ниже, еще ниже. Стоило лишь поднять глаза, и я снова могла бы утонуть в нём. А я не имела права тонуть. Не сейчас. Не здесь.

Старшая ведьма сделала шаг вперед, перекрывая мне обзор, и я снова стала частью делегации – бесцветной, безымянной, ничейной. Так видели нас драконы. Так и должно было быть.

– Делегация ведьм приветствует новый союз, – прозвучало над залом.

Голос Матери, переданный через посланницу, резанул слух. Я повторила поклон, двигаясь как тень: ни дрожи, ни лишнего жеста, ни вдоха глубже, чем дозволено.

А в груди всё ревело огнём.

Он смотрит.

Он не знает...

Кинжал под плащом напомнил о себе прохладой. Я сжала рукоять, возвращая контроль.

Я – ведьма.

Я – оружие.

А он – цель.

Я выпрямилась, хотя колени дрожали под платьем. В этот момент церемония подошла к концу. Один за другим гости склоняли головы и отходили от трона. Тишину сменила вежливая суэта: шелест тканей, лёгкие смешки ни о чём.

– Господа, – произнёс церемониймейстер, – яства ждут вас в Золотой галерее. Просим следовать за слугами.

Толпа пришла в движение – стройно, привычно, будто каждый отрабатывал этот переход десятки раз. Все знали, куда идти. Все – кроме нас.

Мы стояли чуть в стороне. Люди и драконы обходили делегацию ведьм, словно вокруг нас пролегал невидимый ров. Никто не пригласил. Никто даже не указал направление. А мы не могли спросить. Впервые за много лет ведьмы оказались не угрозой – а неловкостью, от которой старались отвернуться.

– Заблудились? – насмешливый голос прозвучал справа.

Я подняла взгляд. Перед нами стоял молодой дракон с ослепительно-светлыми волосами и улыбкой, в которой не

было ни тени дружелюбия. Он слегка склонил голову, как будто рассматривал нас под правильным углом, чтобы точнее оценить изъяны.

– Или ваши болота настолько дикие, что вы уже разучились ходить среди людей?

За его спиной кто-то тихо хихикнул. Не громко – достаточно, чтобы унижение стало тонким и въедливым. Достаточно, чтобы оно впиталось в кожу.

Я уже хотела отвернуться и сделать шаг прочь, но со стороны ведьм выступила Найра. Её лицо было идеально спокойным, непроницаемым – и в этом спокойствии не было моего страха.

– Мы найдём путь, – сказала она мягко, но так, чтобы слова стали пощечиной. – Ведьмы не нуждаются в поводырях.

Молодой дракон усмехнулся, отступил, пропуская нас... но взгляд, скользнувший по мне, ясно говорил: тебе здесь не место.

Когда он отвернулся, Найра даже не посмотрела в мою сторону. Только тихо, почти беззвучно бросила:

– Не вздумай показать слабость. Ни шагом. Ни вдохом.

И ушла вперёд – знала ли куда или просто делала вид, понять было невозможно. Но ведьмы последовали за ней, и я – тоже.

Толпа впереди уже скрылась за поворотом. Мы шли позже всех, последними, и свет из тронного зала постепенно гас за спиной. Стены будто становились выше, воздух – тяжелее, а

шаг – пустым.

Я не принадлежала этому празднику.

Я не принадлежала этому миру.

И хуже всего – я не принадлежала самой себе.

Где-то там, впереди, за дверями и музыкой, начинался пир.

А я шла, как приговорённая, не видя дороги – ни снаружи, ни внутри.

Глава 4 Музыка для других

Напитки лились, смех звенел, музыка переплеталась с шелестом тканей, а я слышала только одно – собственное дыхание. Слишком громкое. Слишком живое. Мы вошли в зал последними. Свет ударил в глаза так ярко, будто хотел ослепить, чтобы я не видела ни его, ни себя.

Для ведьм поставили отдельный маленький столик у колонны – подальше от света и внимания. Мы сели. И сразу стало ясно: это место не для гостей. Для напоминания. Для пятна прошлого, которое терпят, но не принимают. Гости расступались, но не из уважения – из нежелания сидеть рядом.

Я видела его – слишком чётко, слишком часто, хотя не смела поднимать взгляд. Кайрен сидел во главе зала. Лайри-са – рядом, безупречная, словно выточенная из хрусталя. И вместе они казались идеальными: прямые спины, выверенные жесты, два силуэта власти. Но между ними была тонкая, натянутая тишина. И эта тишина трещала.

Я опустила глаза. Сердце отозвалось болью – ненужной, опасной. Если он увидит... если поймёт... я не переживу второй раз того, что едва не убило меня однажды.

Музыка стала тягучей. Пары двигались по залу, скользя по блестящему полу. Золото, улыбки, изысканные наряды, благородные лица – и ни одного места для меня в этом мире.

– Странно сидеть с ведьмами в одном зале, не правда ли?
– произнёс кто-то неподалёку.

– Когда хищников сажают рядом с овцами, лучше не спать, – подхватил другой.

Смех прокатился легко, будто это была всего лишь тренировка остроумия. А мне в грудь легла пустота. Не пламя – пустота. Потому что было всё равно, что они думают о ведьмах. Но не было всё равно, что эти слова звучат здесь, под его взглядом. Там, где его должны уважать, ему бросали сомнение – и делали это, чтобы проверить, дрогнет ли он.

Если сомневаются в нём – сомневаются и в нас.

И наоборот.

Кровь отлила от лица. Хотелось стать камнем. Стать колонной. Исчезнуть. Только бы он не увидел, что мне больно. Только бы не прочитал меня так, как умел.

Тонкий звон. Кубок поставили резче, чем нужно. Я узнала источник звука раньше, чем подняла глаза.

– Мир не строится на страхе, – голос Кайрена звучал ровно, но в этой ровности было железо. – И если в зале есть те, кто не чувствует себя в безопасности, вероятно, дело не в гостях.

Лёгкий ропот прошел по рядам. Кто-то отвел взгляд. Кто-то перестал улыбаться. Его слова вернулись к тем, кто бросил камень.

Я не смотрела на него.

Я боялась.

Если встречу взгляд – он поймёт.

Музыка вновь изменила ритм, стала выше, резче. Перешептывания – тише, но слова всё равно пробивались до меня, как осколки льда:

– ...ведьмы никогда не держат слова...

– ...если они здесь, значит, что-то нужно...

– ...я бы не подпускал их к столу...

Каждое слово – маленький ожог. Мы были угрозой, пока нас боялись. Теперь мы позор, пока нас терпят.

Служанка поставила перед нами напитки. Поклон – правильный. Взгляд – как на грязь, занесенную ветром. Я кивнула – так, как полагалось. Она отошла быстро, слишком быстро.

– Привыкай, – шепнула Найра. – Чем выше стены, тем длиннее тени.

Я молчала.

– И не вздумай пахнуть страхом, – добавила она. – Он притягивает хищников.

Не поддержка. Давление. Ведьмы не любят слабых. Особенно тех, у кого в рукаве спрятан кинжал.

Лайриса чуть наклонилась к советнику рядом – тонкий,

почти интимный жест. Я не слышала её слов, но услышал он. И сказал вслух:

– Мир хрупок. Правителю нужна не только смелость, но и бдительность.

Кивки. Шёпот. Волна сомнений снова поднялась – мягкая, но ощутимая.

И удар снова пришёл не в нас.

В него.

Я опустила взгляд. Стыд накрыл уже не как боль – как память. Пять лет назад я узнала, что любовь может быть раной. Сейчас – узнала снова.

Я сидела тихо, будто от этого могла исчезнуть. Но взгляд прожег расстояние. Его взгляд. Я знала, что он смотрит. Не как на гостью. Не как на ведьму. И не как на врага.

Пальцы под столом вжались в ткань. Я не имела права на память.

В этот миг стул за главным столом скользнул по камню. Он поднялся.

– Достаточно.

Он сказал это спокойно. Но музыка остановилась на вдохе.

– Пир продолжается. И страх не будет нашим распорядителем.

Он не защищал ведьм. Он защищал порядок.

Но всё равно – встал. Не промолчал.

Музыка зазвучала вновь. Смех вернулся. Мир – нет.

Я сидела, стараясь не дрожать. Потому что если он продолжит видеть – он увидит меня. А если увидит – всё кончено. Для меня. Для сына. Для мира, который я обязана обмануть.

Ты – нож. Не сердце.

Но сердце всё ещё билось.

И именно оно могло меня убить.

Глава 5. Тишина перед ударом

Коридоры встретили нас тишиной – гул музыки уже глож за стенами, словно праздник существовал в другом мире, а сюда проникали только отголоски, похожие на эхо древней боли.

Нам отвели покои в дальнем крыле. Одна комната. Пять коек. Узкий стол. Каменная скамья у стены. Окно – не в сад, не во двор, а в глухую кладку, будто нам даже вид не положен.

– Здесь, – сказал слуга, делая приглашающий жест. Голос – ровный, учтивый, но слишком сухой, слишком чужой. Он выдержал паузу, будто ждал благодарности, которой не последовало, и вежливо склонил голову. – Замок переполнен. Простите, что не смогли предложить вам более подходящие покои.

Слова – правильные.

Тон – нет.

Он говорил «гости», но держался так, будто мы – тень на скатерти.

Когда дверь за ним закрылась, комната словно стала меньше.

Мы разместились молча. Пять женщин. Пять судеб. Пять

магий, которые должны были стоять единой силой – но воздух был таким натянутым, что казалось: дотронься – и он лопнет.

Я чувствовала себя чужой даже среди своих.

Найра сбросила плащ и села на край ближайшей койки – прямая спина, скрещенные лодыжки, ни капли усталости. Ещё две ведьмы устроились у стены, шепнув друг другу фразу, слишком тихую, чтобы разобрать, но достаточную, чтобы понять: разговор не обо мне – и всё же про меня.

Старшая стояла у окна. Не сидела – стояла. Ладони – на подоконнике, взгляд – в темноту. Я не знала, что она видит – камень или дальше, глубже, туда, где скрывается то, ради чего ведьмы всегда шли до конца.

Тишина тянулась.

Я ждала слов. Но их не было.

Вместо слов – взгляд Найры, короткий, оценивающий, и снова шепот двух других, еле слышное:

– ...если она дрогнет...

– ...иначе нельзя...

Я опустила глаза. Понимала, о чем речь. Но не знала – бояться ли, защищаться ли, говорить ли хоть что-то. В груди гудело то самое чувство, которое я пыталась душить с начала пира: я здесь в делегации, но я одна.

Я сидела так долго, что плечи начали неметь от напряжения. Музыка в замке стихла окончательно. Праздник – там. Здесь – ожидание.

И только когда я позволила себе первый осторожный вдох облегчения, дверь тихо скользнула в сторону.

Она приоткрылась так осторожно, будто кто-то боялся потревожить воздух. В проеме показалась служанка – та самая, что у стола не задержала на нас ни взгляда, ни эмоции. Теперь она смотрела только вниз, и в этом было слишком много правильной покорности, чтобы поверить.

– Простите, – произнесла она тихо, – я... должна передать.

Она протянула свернутую ленту – не письмо, не знак власти, просто узкий чёрный шёлк. Старшая обернулась на долю секунды, и служанка сразу опустилась в реверанс – слишком низким для простой вестницы. Это выдало её раньше, чем шёлк.

– Ты знаешь, куда, – сказала Старшая, не распечатывая послания. – Иди.

В комнате стало теснее, хотя никто не двинулся.

Я поднялась медленно, будто тело принадлежало кому-то другому.

– Сегодня? – мой голос прозвучал слишком ровно, чтобы быть моим.

– Сейчас, – ответила Старшая. – Чем быстрее, тем чище.

Найра поднялась со своей койки, шагнула ближе – не ко мне, а так, чтобы закрыть путь назад. Не угроза. Просто

факт.

– Ты помнишь, что должна, – сказала она негромко. –
Остальное неважно.

Я кивнула. Не из покорности. Из неизбежности.

Ещё одна ведьма – самая молодая из нас – провела ладонью по столу, будто сметала с него невидимую пыль. Звук шелка по дереву был странно громким. Она не смотрела на меня, но в её жесте читалось: если ты упадёшь – нас похоронят вместе с тобой.

Я понимала.

Отступать было некуда.

– Пусть она покажет путь, – Старшая кивнула на служанку.

Та вздрогнула, будто ждала другого приказа, но послушно вышла в коридор, не поднимая глаз. Я последовала за ней.

Дверь за моей спиной закрылась мягко, почти беззвучно – но щелчок в груди прозвучал так, будто заперли не комнату, а меня.

Мы шли по ночному коридору. Служанка ступала быстро, но неслышно, как тень, которая знает каждый камень. Я же чувствовала каждый шаг – будто пол отвечал ударом, пробивая через подошву до сердца.

Замок спал, но дышал.

Факелы потрескивали.

Коридоры сужались в темноту.

Мы свернули в боковой проход, поднялись на узкую лестницу, где стены сходились так близко, что казалось – можно обжечь плечо о камень.

Служанка свернула из коридора в узкий проход, и я пошла за ней. Мы ушли от парадных залов по той дорожке, что используют слуги. Запаха масел и воска здесь не было, только сырость камня и тьма.

Она остановилась у неприметной дверцы в тени каминной ниши – простая деревянная створка без гербов. Служанка потянулась к железному кольцу, но прежде чем коснуться его, бросила на меня короткий, бесстрастный взгляд: готова ли.

Я кивнула.

Она отступила, ныряя в тень и оставляя меня у двери одну. За ней – умывальня предводителя: сюда носят воду через служебный ход, по нему не ходят гости, и потому он идеален для тех, кто хочет остаться незамеченным.

Дерево под ладонью было тёплым от слабого света, что просачивался из щели. Внутри пахло смолой и чистой тканью – запах его мира. Кинжал под плащом отозвался холодом в пальцах.

Глава 6 Шёпот вместо стали

Дверь умывальни тихо скрипнула, и я скользнула внутрь. Камень дышал влажным теплом, на стенах мерцал отсвет от лампы, вода в медной чаше была неподвижной, как взгляд, который учат не поднимать. Запах мыла и смолы ударил в память так резко, будто я вошла не в комнату, а в прошлое.

За следующей дверью – голоса. Глухо, через дерево, но узнаваемо: ровный мужской и другой, ниже, с привычной сухостью советника.

– Твёрдость – не в показной жестокости, – сказал первый. Его голос я узнала раньше, чем сердце успело ударить. – Мы договорились о мире, значит, за него отвечаем. Даже если зал шепчет обратное.

Советник ответил, аккуратно подбирая слова, как будто складывал их в ровную стопку:

– Мир требует примеров, мой господин. Ведьмы... разносят слухи. Народ ждёт жёсткости. Хотя бы показной.

Пауза. Я слышала, как она тянется – длинной ниткой между двух мужчин.

– Показная жестокость научила нас войне, – сказал он. – Мне её мало.

Слова ударили не в сердце – в руки. Кинжал в пальцах снова стал холодным, но внутри впервые за ночь потеплело. Если бы я могла верить... Если бы можно было верить.

Советник придвинулся ближе; скрипнул стул.

– Тогда, в академии... – начал он осторожно. – Слухи о ведьме всё ещё ходят. Совет настаивает: вам надо публично сказать, что...

– Я не буду говорить о мёртвых, – оборвал Кайрен тихо. – Ни для оправданий, ни для казни. Запиши: расследование того пожара закрыто. Имена не озвучивать. Никаких «примеров». Я не стану превращать чью-то смерть в урок для толпы.

Я не дышала.

Он не оправдывался. Он не собирался бросать ведьмам кость – ни вину, ни память. Он ставил между прошлым и залом стену – и делал это своим именем.

Я отступила от двери на ширину ладони. Если он не жаждет крови... если он закрывает ту ночь... возможно, всё ещё можно остановить. Я расскажу ведьмам. Скажу, что он не монстр. Что убийство – ошибка. Что мир нужен не на словах – он его держит.

Шаги.

Ручка повернулась со стороны кабинета. Дверь в умывальню пошла на меня. Я рванулась в нишу между каменной колонной и широким полотенцем, спряталась за край приоткрытой створки. Воздух стал узким, как лезвие.

Они вошли вдвоем. Советник – первым, с бумагами в руке, взгляд на столе, а не на углах. Кайрен – за ним. Он остановился на пороге – едва, на миг. Будто кожа помнила, что

здесь бывает тишина, которую нельзя тревожить.

– Утром всё равно придётся говорить о ведьмах, – напомнил советник, ставя бумаги на каменную полку. – Люди ждут слов.

– Утром я скажу о мире, – ответил он. – Не о страхе.

Советник кивнул, будто этого было достаточно для протокола. Потом повернулся к нему – плечом, полупрофилем, заслонив мне дорогу к двери. Я чувствовала его дыхание в тени и свое – слишком громкое.

– И всё же, – добавил советник, понижая голос, – если всплывут слухи... о той истории... вы уверены, что молчание – лучшая защита?

– Уверен, – заверил Кайрен. – Виновных там было меньше, чем вы думаете. И не из тех, кого удобно казнить словом.

Он отвел взгляд – в сторону советника, не в мою нишу. И этого мгновения хватило. Я скользнула вдоль стены, как тень, и прошла к служебной двери, едва касаясь пола. Ручка холодно ударила в ладонь. Дерево жалобно шевельнулось – и я была снаружи.

Когда служебная створка за мной закрылась, мир вдруг стал пустым. Внутри остались голоса – два мужских, и один мой, который я сглотнула, чтобы он не сорвался звуком.

Коридоры встречали меня пустотой – слишком тихой после шагов, которые едва не настигли. Я шла быстро, но беззвучно, стараясь не думать ни о голосах за дверью, ни о собственном дыхании. Замок снова стал лабиринтом, и только

один путь вел туда, где меня не ждали – но точно дождались.

Покои ведьм были всё такими же тесными и холодными, как время назад. Пять коек, стол, каменная скамья. Наши плащи сушились на спинках, как тени, которые не хотели падать на пол.

Я вошла – и поняла, что меня ждали.

Никто не поднялся. Никто не бросился с вопросами. Просто повернулись головы: Старшая от окна, Найра с края койки, две другие – от стола. В этих поворотах было больше испытания, чем в любой речи.

– Говори, – сказала Старшая.

Я не собиралась говорить. Я хотела принести ту тишину, в которой можно было не убивать. Но слова сами пошли – короткие, обрывочные, как шаги по льду: про его голос, про советника, про «не о страхе», про «не казнить словом», про «закрыто».

– Он... – я едва не сорвалась на имя. – Он не хочет крови. Он не будет поднимать старое и выставлять его на площадь. Он держит слово о мире всерьёз. Это... Это может быть шанс.

В комнате ничего не изменилось. Только взгляд Найры стал темнее – не от эмоции, от расчёта.

– Шанс, – повторила она. – Чей?

Я замолчала.

– Наш? – уточнила она. – Или его?

– Один мир уже строили на чьём-то «слове», – сказала

Старшая. Голос у неё был тихий, как глубина. – И заплатили своими мёртвыми. Мы не строим мир на доверии. Мы строим мир на последствиях.

– Но если он не враг... – я всё ещё пыталась держать ту невесомую нить, что тянулась от двери умывальни. – Если он действительно...

– Он – правитель, – перехватила Найра. – Сегодня он скажет миру то, что миру нужно услышать. А завтра скажет другое, если мир изменится. Ты пришла с надеждой, Селин. Мы приходим с долгом.

Я почувствовала, как внутри ломается что-то легкое – то, что позволяло дышать. Я не была ребёнком, чтобы верить словам. Но я слишком давно не слышала ничего, кроме угроз.

– Ты не сделала того, что должна была сделать, – ровно сказала Старшая. Не обвиняя, как констатацию факта. – Значит, сделаешь позже. Музыка закончится – начнётся ночь. Ночь закончится – начнётся утро. В одном из этих часов ты выполнишь приказ.

– Он не... – слова застряли, как косточка. – Там был советник. Дверь. Я не могла...

– Ты могла, – сказала Найра. – Ты не захотела.

Сердце сделало лишний удар. Я сжала пальцы, чтобы оно не сорвалось в голос.

– Ты думаешь про него, – продолжила Найра так же спокойно, будто разбирала счёт. – А должна думать о ребёнке.

Этого удара я не выдержала. Воздух стал острым. Я кивнула – медленно, чтобы не выдать дрожь.

Старшая отступила от окна.

– Сегодня ты не вошла, – сказала она. – Завтра войдёшь. Двери не исчезают от того, что их не открывают. Они ждут. Ты – тоже.

– Когда? – спросила я.

– Когда скажут, – ответила она. – И без надежды.

Я опустила взгляд. На столе лежал чей-то нож для трав – тонкий, с чистым лезвием. Чужая сталь всегда кажется честнее своей.

– Отдыхай, – сказала одна из ведьм у стены, впервые за вечер. Голос у неё был хрипловатым, усталым. – Завтра будет длинный день.

Я не ответила. Села на край койки, положила плащ на колени – как щит, через который всё равно проходит стрела. За окном скрипнула ветка, и запах сырости просочился внутрь. Я закрыла глаза – не чтобы спать, чтобы не видеть дверь, которой здесь не было.

Я думала о сыне. О его руке в сером плече. О том, как он сжимает пальцы во сне – будто ищет меня в темноте. Если я спасу одного – предам другого. Если спасу мир – потеряю дом. Если спасу дом – возможно, не будет мира.

Я сделала вдох. Он вышел острым.

Ты – нож. Не сердце.

Но ночью сердце всегда слышнее.

И я поняла: ведьмы держат не за руку. Ведьмы держат за горло.

Глава 7 Запах прошлого

Кайрен Ардэлл

Ночь не хотела отпускать. Я сидел у потухшего камина, но не мог ни уснуть, ни заглушить мысли. Тишина и каменные стены давили сильнее, чем дневной шум. Казалось, весь замок, даже стража за дверями, перешёл на шёпот. Всё угомонилось – кроме меня.

Она жива.

Эти два слова разрывали сознание, как слишком яркий свет в темноте. Если бы она осталась мертвой в моих воспоминаниях, мне, возможно, удалось бы продолжать этот выбранный, выверенный путь. Но теперь – что я должен чувствовать? Облегчение? Боль? Вину? Радость? Я не имел права ни на что из этого. Не сейчас. Не в этот день.

Потому что я женюсь.

Не на ней.

Я связал себя узлом ради мира. Ради кланов, ради оставленной крови, ради нового будущего для всех, кроме себя. Я повторял, что личное – меньше общего, что чувства можно спрятать под камень, если так требует долг. Я был готов. Действительно был.

Пока не увидел ее живой.

Пока не встретил тот взгляд – незнакомый, чужой, но всё такой же настоящий. Он пронзил, не оставив мне права на

притворство. Я думал, что похоронил любовь вместе с её именем. Оказалось – я похоронил только самого себя.

Лайриса... Она не виновата. Она – олицетворенный порядок. Красота без тепла. Ум без сердца. Я мог бы править с ней. Строить, удерживать, заключать союзы. Мы были бы идеальной парой для хроник – но пустой для жизни. Я знал это и раньше, но принял. А теперь каждое её слово, каждый будущий шаг рядом казался мне звуком захлопнувшейся решётки.

И всё рухнуло окончательно в тот момент, у двери купальни.

Я почувствовал её там сразу. Не звуком – присутствием. Теплом, запахом, дыханием в воздухе. Это невозможно спутать. Так узнают только того, кого когда-то впустили ближе, чем можно было позволить. Тот миг ударил сильнее любого ножа.

Советник говорил о завтрашнем выступлении, о Совете, о шепоте зала – а я слышал только сердце. Каждый удар – как шаг к двери, которую я не имел права открыть. Один неверный жест, один взгляд – и всё, что я обязан защитить, было бы утоплено в прошлом.

Я мог сорваться. Мог назвать её имя. Мог остановить всё: свадьбу, договор, мир. Всего один шаг.

Но я не сделал его.

Не из слабости. А потому что понимал: если встречу её сейчас, я сожгу не только себя. Я сожгу всё вокруг.

Я вошел в купальню так, будто не чувствовал её совсем, сказал нужные слова, поддержал разговор, выдержал паузу. И дал ей время уйти.

Когда дверь за советником закрылась, я остался один. Воздух ещё хранил её запах. Я стоял, не двигаясь, и понял. Бежать от прошлого больше невозможно. Оно не осталось в академии, в пепле и тишине. Оно стоит в этом замке – живое, опасное, и смотрит мне в спину.

Я замер в тишине, пока запах не рассеялся окончательно. Но память держала его крепче, чем воздух. Стоило сделать шаг – и я будто наступил в прошлое. Всё то, что я хоронил годами, поднялось, как пепел от вздоха.

Я не хотел вспоминать.

Но память – упрямая тварь. Она не слушает приказов и не признаёт правителей.

Я закрыл глаза – на секунду.

И секунды хватило.

Мир повернул назад.

Огненный двор академии всегда пах жаром, металлом и амбициями. Здесь каждый хотел доказать, что достоин крови драконов – и почти никто не смотрел вниз, туда, где стояли те, кому не место под небом.

Она смотрела.

Я заметил её не сразу – сначала взгляд зацепился за дви-

жение. Поток воздуха дрогнул не от магии, а от чужой воли. Ведьма. В академии драконов. Сама по себе – уже вызов. Она стояла, сложив руки за спиной, и смотрела на тренировку так, будто знала наперед, каким будет следующий удар, и что он неверный.

Наши взгляды встретились. На один миг. Этого хватило.

Там не было ни страха, ни почтения. Только трезвое, непозволительно внимательное изучение.

Так на нас не смотрели. Никогда.

Я должен был отвернуться первым. Я – наследник линии Ардэллов, она – чужая, из рода, с которым нас века разделяет кровь и война. Я должен был отвести взгляд, чтобы не нарушать границ.

Но не отвел.

Какая-то часть меня, самая древняя, драконья, ощутила в ней вызов. И ответила на него – прежде, чем я осознал это головой.

Я нашёл её позже – у северной стены, где ветер с гор пробирал до костей, а тренироваться предпочитали самые упертые или безрассудные. Она стояла там одна, без наставника, без круга. Линия её плеч была спокойной, но в этом спокойствии читалась скрытая энергия, как у натянутой тетивы.

– Ты смотришь не туда, – сказал я, подходя ближе. – На арене мы учимся смотреть на противника, а не сквозь него.

Она медленно обернулась. Её глаза – серые, как облака

перед бурей – встретили мой взгляд так, словно мы уже были знакомы много лет.

– Я смотрела как раз туда, куда нужно, – ответила она. – Я видела ошибки.

– Ошибки? – я усмехнулся. – Ты много знаешь о драконьих стилях боя, ведьма?

– Хватило одного урока, чтобы понять главное, – сказала она спокойно. – Вы слишком полагаетесь на силу. Там, где нужен расчёт.

Ей следовало бы опустить глаза. Хоть чуть. Но она стояла ровно, не признавая ни моей власти, ни статуса. И почему-то именно это – вместо ярости – вызвало интерес.

– Тогда, возможно, – я делал шаг ближе, не отводя взгляда, – тебе стоит показать, как это выглядит. Расчёт. На практике.

– Возможно, – тихо ответила она. – Если ты не испугаешься проиграть.

От женщины.

От ведьмы.

От той, кого в академии терпели лишь по необходимости, а не по праву.

Это был вызов. И я принял его ещё до того, как понял, что делаю.

Глава 8 Когда мёртвое дышит

Тренировочный круг дрожал от жара. Камень под ногами был обожжен старым пламенем – следы десятков боев, запах пота и магии.

Вокруг – ученики, наставник, блестящие глаза драконов, уверенных в своей крови.

И ведьма, шагнувшая на арену.

Она стояла напротив меня, держа в ладонях узор защитного круга. Не дрожала. Не отводила взгляда.

Ветер трепал прядь её волос, тянул запах трав и дыма. Я слышал, как кто-то в толпе шепнул:

– Безумие. Ведьма против Ардэлла.

И всё же она не отступила.

– Готова? – спросил я, формально, как требуют правила.

– А ты? – ответила она.

И улыбнулась – быстро, едва заметно, но этого хватило, чтобы всё внутри перевернулось.

Я ударил первым – не всерьёз, просто проверяя ее реак-

цию. Пламя сорвалось с ладони, скользнуло по воздуху золотой дугой.

Она не отступила.

Воздух между нами вспыхнул серебром – её барьер поднялся мгновенно, точно и тихо, как дыхание. Огонь ударил в него, расплескался, рассыпался искрами.

Толпа зашумела. Наставник выпрямился наблюдая.

Я двинулся ближе, дал сильнее – чтобы показать разницу в силе.

Она снова выдержала. Барьер треснул, но не пал. И в трещине я увидел её глаза – светлые, спокойные, упрямые.

– Ты слабо держишь защиту, – сказал я. – Через миг я прорвусь.

– Попробуй, – ответила она. – Может, успеешь раньше, чем я устану ждать.

В следующий миг серебро её магии пришло в движение. Ветер, холод и шепот заклинаний – не атака, а выдох.

И пламя, моё пламя, послушно потянулось к ней.
Это было невозможно.

Драконье пламя не подчиняется никому. Но оно слушалось – не её силу, а её волю.

Пламя пошло вверх, сорвалось с контроля, стало живым. Наставник крикнул что-то – поздно. Круг вспыхнул белым, камень под ногами треснул.

Я бросился вперед – не по правилам, не как противник, а как тот, кто хочет удержать.

Она попыталась отступить, но вихрь затянул нас обоих. Её магия – холодная, серебряная – столкнулась с моей, горячей и золотой.

На миг всё стихло.

Воздух стал вязким, как смола. В этом свете я видел только её лицо – слишком близко. Пепел в ее волосах, отблеск огня в зрачках.

Я схватил её за руку. Пламя прошло по коже, но не обожгло – наоборот, охладило, впиталось в её силу.

Мы стояли так, будто время остановилось, а вместе с ним и мир.

Казалось, стоит отпустить – и он рухнет.

Стоит сказать хоть слово – и пламя обратится в огонь.
– Довольно! – голос наставника разрезал пространство

как меч.

Магия оборвалась, будто кто-то вырвал жилу из сердца. Пламя исчезло, оставив только гарь и запах озона.

Я всё ещё держал её за руку.

Она вырвалась – не испуганно, а будто не позволяла себе привыкнуть. Взгляд – острый, настороженный, но в нём была искра. Та самая, что делает бой смыслом, а жизнь – испытанием.

– Прости, – выдохнул я, сам не зная за что.

– Не нужно, – сказала она. – Это ведь всего лишь тренировка.

Но в этих словах было всё, кроме равнодушия.

Я понял тогда – именно в тот миг, – что если она упадёт, я брошу меч, чтобы поднять.

И если придется встать против мира, я сделаю это.

А потом понял, что именно это и будет моей ошибкой.

Я помню, как она стояла на краю арены – растрепанные волосы, тонкая нить крови у виска, глаза, в которых пламя не потухло. Мы оба дышали тяжело, будто не дрались, а выжигали друг друга изнутри.

– Мы закончили? – спросила она тогда, и в голосе не было ни страха, ни злости.

– Нет, – ответил я. – Еще нет.

Она усмехнулась – устало, но живо.

– Тогда подожди до вечера. Я не люблю проигрывать при свидетелях.

Я так и сделал. Подождал.

А вечером нашёл её в саду – босую, с опущенными руками, под ветром, который гасил огонь в фонарях. Она даже не удивилась, когда я подошёл. Просто посмотрела.

И я понял – этот взгляд станет началом конца.

Она могла сказать что угодно – о правилах, о границах, о страхе. Но сказала только:

– Ты не должен был вмешиваться. Теперь за это заплатишь.

Я тогда не понял, что именно имела в виду.

Понял позже. Когда платить пришлось обоим.

И всё же я не жалею.

Ни секунды.

...

Где-то в тени галереи тогда стояла Лайриса. Я не видел её лица – только отражение в стекле, тёмное пятно среди света. Она тоже смотрела на нас. И, может быть, именно там, среди тех теней, началось то, что я потом назвал ошибкой.

...

Пламя в камине давно погасло, но я всё ещё чувствовал жар – не от огня, от памяти.

Я сидел в темноте, не в силах оторваться от мыслей, и только тогда понял, что ночь не стихла.

Где-то за дверью – тихий звук.

Не шаги. Не голоса.

Шорох ткани, еле различимый всплеск воды в купальне.
Я поднял голову.

Если это она...

Я не знал, что скажу.

Глава 9 Между дыханием

Селин Таль

Ночь была слишком тиха.

Так тихо не бывает даже на болотах.

Воздух будто застыл, вслушиваясь в наши дыхания, и от этого тишина казалась живой – настороженной, как зверь в засаде.

Ведьмы давно спали. Даже Найра. Её дыхание было ровным, спокойным, будто она спит без снов.

Я – нет.

Я лежала на жёстком ложе и смотрела в потолок, где колыхались тени пламени.

Не могла вычеркнуть из памяти зал, музыку, слова. Его голос. Его взгляд.

Огонь под кожей не угас.

Он жил. И тянул.

Я встала тихо, босыми ступнями на холодный пол.

Камень был влажным, будто дышал сквозь трещины. Я знала, что не должна уходить. Найра велела отдыхать, рассвет обещал новый приказ. Но что-то в груди не давало остаться.

Не зов – память.

Не приказ – потребность убедиться, что он настоящий, а не сон, сотканный Матерью, чтобы проверить мою верность. Я вышла из комнаты, прикрыв дверь.

Коридор был темен, лишь редкие факелы мерцали у поворотов. Я шла медленно, повторяя в голове путь, что вчера показала служанка.

Повернуть за нишу. Спуститься по трем ступеням. Узкий проход между стен. Камень там влажный, скользкий, пахнет МХОМ.

Так шли слуги с водой.

Так и я теперь – с огнём под сердцем вместо кувшина.

Пар медленно оседал на камне, и в нём дрожал свет факелов.

Я стояла у стены, не решаясь сделать больше ни шага.

Всё было таким, каким оставалось в памяти: запах смолы, гладкий блеск камня, отражение воды на потолке. Только теперь – без голоса, без тепла, без него.

Мне нужно было уйти.

Я знала. Каждый вдох здесь – клятва, которую я нарушаю.

Но ноги не слушались. Сердце билось так, будто искало подтверждения, что он жив. Что я не сошла с ума.

Я шагнула ближе к двери, отделяющей купальню от покоев.

За ней – тишина.

Ни шагов. Ни дыхания.

Только слабый треск огня и гул крови в моих висках. Хотелось просто увидеть – хоть краем глаза, тенью.

Сказать себе, что всё это зря, что он другой, чужой, не тот, кого я любила.

Но пальцы уже касались кольца на двери.

Металл был теплым. Как его кожа когда-то.
Я зажмурилась. Сделай вдох, отступи, уйди.

Но прежде чем успела – дверь качнулась сама.

Он стоял на пороге.

Без плаща, в расстегнутой рубашке, волосы влажные, на коже – отблески пара и огня.

Он не удивился. Не вздрогнул.

Просто смотрел.

Между нами – пар. Дышать им было невозможно.

– Ты, – выдохнул он, будто всё ещё не верил.

Я не знала, что сказать. Ни оправданий, ни лжи не хватало, чтобы спрятать тот факт, что я стояла здесь, среди тьмы, где не должна быть.

– Не думай, что я пришла к тебе, – слова сорвались слишком резко. Неуверенность хотелось прикрыть злостью.

Он чуть склонил голову, и во взгляде мелькнуло то, чего я боялась больше всего – узнавание.

– Тогда почему ты здесь?

Я не ответила.

Молчание повисло между нами, и пар будто стал плотнее.

Он сделал шаг вперёд. Не угрожающе. Осторожно.

Я отступила.

Стену спиной почувствовала раньше, чем осознала: путь назад кончился.

Он не тянулся ко мне, не приближался дальше, но этого и не требовалось. Сам воздух между нами горел.

Я чувствовала его силу, пульсирующую, как жар под кожей.

Он чувствовал мой страх.

Мы оба знали, что сейчас всё висит на одном вдохе.
– Ты... – начал он, но не договорил.

Моё имя не прозвучало, но я его услышала.

И, может быть, именно это было хуже любых слов.

Я отвела взгляд.

Если бы посмотрела ещё мгновение – не выдержала бы.

Горло сжалось, дыхание стало коротким, будто кто-то сдавил грудь изнутри.

Мне нужно было уйти. Немедленно. Пока он не сказал больше. Пока я не вспомнила, каково это – слышать своё имя от него.

Я сделала шаг вбок, собираясь обойти, но плащ задел край камня.

Под тканью – лёгкий стук металла.

Едва слышный, но для него – как раскат грома.
Его взгляд опустился.

Туда, где рукоять кинжала мелькнула под складками.

Он не двинулся, но воздух изменился. Сгустился.

Я почти услышала, как в нём пробуждается инстинкт – древний, опасный, как огонь.

– Что ты... – прошептал он сдавленно.

Между нами прошёл ток, будто вспыхнула искра.

Он понял. Или почти понял.

Я отступила.

– Не подходи.

Голос сорвался, шепот прозвучал громче, чем крик.

Он не двинулся вперёд.

Только посмотрел – в упор, прямо, без злости.

– Ты боишься меня?

Я хотела сказать – «нет».

Но дыхание дрогнуло, и он понял ответ без слов.

Он не сделал ни шага.

И я – тоже.

Между нами тянулся воздух, вязкий, как расплавленный
воск.

Огонь под кожей знал, что шаг к нему – гибель.

Разум – что шаг прочь уже невозможен.

– Ты изменилась, – сказал он негромко. Не как упрек. Как констатацию.

– А ты – нет, – ответила я.

И это была ложь.

Он изменился.

Стал холоднее. Опаснее. Сильнее.

И всё же – в его взгляде горело то же пламя, которое когда-то зажгло меня.

Я отступила к двери, едва не споткнувшись.

Он не пытался удержать.

Не позвал.

Не спросил.

Просто смотрел, как я уйду – словно боялся, что если скажет хоть слово, то удержит.

Когда дверь закрылась, пар остался внутри, а я – снаружи.

Холодный воздух коридора ударил в грудь, заставив, наконец, вдохнуть.

Я не знала, кого спасла – его или себя.

Но знала одно: теперь пути назад нет.

Ни к нему.

Ни к ведьмам.

Ни к себе.

Глава 10 Когда дождь Смывает клятвы

Кайрен Ардэлл

Утро встретило меня не светом, а звоном.

Сначала я подумал, что это дрожит бокал – остаток ночного пира. Но нет, звенела тишина: в коридорах, в воздухе, в собственных костях.

Я не спал.

Да и как можно спать, если мир, который ты клялся держать в равновесии, треснул посередине?

За окном тянулся дождь. Он всегда идёт на третий день свадьбы – так говорят старые летописи. Природа смывает следы праздника, чтобы не оставалось лишних запахов и воспоминаний.

Я стоял у окна и смотрел, как вода стекает по камню, превращая золото флагов в тусклую медь.

Дверь отворилась бесшумно.

Лайриса вошла, как всегда, неся с собой холод – не от магии, а от выверенного самообладания.

– Ты не спал, – сказала она не спрашивая.

– Нет.

– Понимаю. День выдался... насыщенный.

Она подошла ближе, остановилась на расстоянии, где можно было почувствовать аромат ее духов – легкий, ледяной, как сталь.

– Совет волнуется, – продолжила она. – Сегодня день обетов, и послы уже прибыли. Им нужно увидеть, что Ардэллы крепко стоят на ногах.

– Совет всегда чего-то хочет.

– В этот раз – уверенности, что династия не прервется.

Пауза.

Она не отводила взгляда, и в нём скользнуло нечто острое – не ревность, нет, скорее подозрение.

– Вчерашняя делегация ведьм произвела впечатление, – произнесла она медленно. – Особенно на тебя.

Я ничего не ответил.

– Надеюсь, их присутствие не заставило тебя усомниться в выборе, – добавила она почти ласково.

Она произнесла это ровно, но в каждом слове звенел стальной крюк. Проверка. Напоминание.

– Совет ждёт наследника, Кайрен.

– Я в курсе.

– Тогда не заставляй их ждать.

Она чуть улыбнулась – не теплом, а властью. И вышла не обернувшись.

Я остался один.

В комнате пахло холодом и бумагой, а в голове гудело одно слово – наследник.

Как будто жизнь сводилась к тому, чтобы доказать Советам, что я способен размножаться.

Как будто этим измерялась сила рода.

Я отошёл к камину – огонь догорал неровно, словно знал, что скоро его потушит ветер слухов.

Я хотел погасить свечи – и в этот момент дверь приоткрылась.

Вошел советник Дэрис, без стука, бледный, с пергаментом в руке.

– Милорд, – выдохнул он, – тревожные вести с запада.

– Насколько серьёзно?

– Нападение на пограничный гарнизон. По предварительным данным – отряд с гербами Рейлонского дома. Но есть слухи...

Он замялся.

– Говори.

– Ходят слухи, что с ними были ведьмы. Или кто-то, использующий их чары. Люди видели огонь, который не оставляет пепла.

Я сжал ладонь.

– Ведьмы здесь. На моей земле.

– Я знаю, милорд. Но слухи уже пошли. Совет требует собрания.

Он поклонился и вышел, оставив меня в тишине, которая теперь звенела, как натянутая струна.

Снаружи начинался день, когда от мира ждали покоя.

А я чувствовал – мир снова пахнет гарью.

К рассвету дворец уже жил шёпотом.

В коридорах замолк смех, стража стояла двойными караулами, а по залам ходило одно и то же слово – ведьмы.

Они были в замке всего день, и всё же успели стать удобной причиной для страха.

К полудню пришло распоряжение Совета: “До выяснения обстоятельств делегацию ведьм перевести под наблюдение”.

Не арест. Наблюдение. Так это называли на бумаге.

Я вышел на галерею – и увидел, как их ведут.

Пять фигур в серых плащах, руки не связаны, но шаги осторожные, как у зверей, загнанных в угол.

Селин шла последней. Лицо – закрыто, но даже под капюшоном я почувствовал, что она знала, кто отдал приказ.

Я хотел сказать, что не я. Что это Совет. Что я пытался оттянуть решение.

Но слова застряли в горле.

Их провели мимо, вниз, к гостевым покоям – тем самым, где свет не попадает даже днём.

Позже, когда Лайриса вошла в кабинет, в её улыбке не бы-

ло ни удивления, ни сожаления.

– Совет считает меры оправданными, – сказала она спокойно. – И я согласна.

– Они наши гости.

– Они ведьмы, Кайрен. И пока хотя бы один слух связывает их с нападением, твой долг – не чувствовать, а действовать.

Я сжал ладонь, но не ответил.

Она подошла ближе, кончиками пальцев поправила складку на моем мундире.

– Мы перенесем церемонию, – произнесла она ровно. – Я уже уведомила Совет. Люди должны видеть, что правитель контролирует ситуацию.

– А если выяснится, что ведьмы ни при чём?

– Тогда ты отпустишь их с извинениями. Это не трудно. Гораздо труднее – потерять уважение, пытаясь доказать им, что ты всё ещё человек.

Она развернулась и вышла, оставив после себя запах льда и фраз, от которых не отмыться.

Я остался у окна. Под сводами дворца разгоралось солнце, но мне казалось, что оно светит сквозь пепел.

Я хотел мира.

Но мир всегда умирает первым.

Совет уже собирался.

А я впервые за много лет боялся, что встану не на ту сторону.

Глава 11 Цена отсрочки

Зал Совета обдал меня холодом – тяжёлым, как сталь послековки.

Внутри гудели голоса, шепоты, обрывки фраз.

Когда я вошёл, шум стих.

Все повернулись. Все ждали.

Во главе стола стоял лорд Морвенн – отец Лайрисы, человек, умеющий делать из слов оружие.

Он поклонился, как того требовал этикет, но в его жесте не было ни почтения, ни покорности.

– Милорд, – произнес он, – Совету доставлены тревожные вести с запада.

– Я в курсе, – ответил я.

– Позвольте уточнить. Пограничный гарнизон уничтожен. Следов оружия нет. Только выжженная земля.

Он выдержал паузу, давая словам осесть.

– Солдаты говорят об огне без пепла.

Ропот прошел по рядам.

– Ведьмин огонь, – бросил кто-то.

– Только ведьмы умеют сжигать камень, – добавил другой.

Морвенн не стал их останавливать. Он знал цену слухам – иногда они делают то, что не под силу армии.

– Совет требует мер, – продолжил он. – Ведьмы под нашей крышей, и народ тревожится. Пока они здесь, тревога растет.

Я выпрямился.

– Ведьмы прибыли по решению Совета, лорд Морвенн. Вашей подписи под приглашением я не забыл.

– Тогда я защищал политическую необходимость, – холодно ответил он. – Сегодня я защищаю безопасность.

Тишина натянулась, как струна.

Я видел в глазах старейшин – они уже склоняются к Морвенну.

Им нужно действие.

Им нужно, чтобы я показал силу.

– Если вы прикажете задержать ведьм, – сказал один из советников, – это успокоит народ.

– Если я прикажу задержать послов, которых сам пригласил, – ответил я, – это разрушит доверие домов, что смотрят на нас.

Морвенн усмехнулся едва заметно.

– Народ не думает о дипломатии, милорд. Народ видит страх и ждёт, кто поставит точку.

– Я поставлю, – произнёс я. – Но не на основании слухов. Он наклонил голову, будто признавая моё слово. Но в его взгляде оставалось то, что я знал слишком хорошо – он никогда не спорит, если уверен, что выиграет позже.

Двери открылись, и в зал вошла Лайриса.

Она не должна была присутствовать – Совет редко позволял женщинам занимать место за столом.

Но вошла она так, будто имела на это право: ровная осанка, холодное спокойствие, шаги без тени колебания.

– Прошу прощения, милорды, – её голос был мягким, но заставил всех обернуться. – Я не хотела прерывать обсуждение, однако новости о решениях Совета разносятся быстрее, чем приказы.

Лорд Морвенн чуть сдвинул кресло, уступая дочери место рядом.

Никто не возразил – даже те, кто ещё минуту назад спорил со мной.

– Мы обсуждаем меры предосторожности, – сказал Морвенн. – Вопрос касается и твоего союза.

– Я понимаю, – кивнула она. – И именно поэтому считаю, что резкие действия сейчас будут ошибкой.

Она обвела взглядом Совет – без вызова, с идеальной вежливостью:

– Если мы схватим ведьм в день, когда весь мир празднует союз, мы сами признаем его слабость. Народ не поймёт, а другие дома воспользуются.

Я уловил, как несколько советников переглянулись.

Вот оно.

Совету нужен был не приговор и не возмездие – им нужно время. Предлог, чтобы решить, кого обвинить, не рискуя властью.

– Один день, – сказала Лайриса, обращаясь ко мне. – Только день. Пусть ведьмы останутся под наблюдением, пока Совет проверит сведения. Мы покажем, что действуем хладнокровно – не из страха, а из расчёта.

Я смотрел на неё.

Она не просила – утверждала.

И Совет кивал, потому что им это было нужно: не решение, а видимость порядка.

Я выдохнул.

– Один день, – повторил я, но уже иначе. – Для проверки, не для приговора. Ведь они прибыли по соглашению.

Морвенн чуть приподнял бровь, будто хотел возразить, но промолчал.

Он знал: я подписываю не приказ, а отсрочку.

Писец склонился над бумагой.

Перо шуршало по пергаменту, чертя линии, в которых каждый слышал свое – кто-то компромисс, кто-то слабость, кто-то надежду.

Когда Совет поднялся, стулья зазвенели, и зал быстро опустел.

Морвенн ушёл последним – кивком обозначив, что разговор между мной и его дочерью можно считать неофициальным.

Двери закрылись.

Тишина в зале стала гуще.

Лайриса осталась у окна. Пальцы касались подоконника, будто вычерчивали линии на холодном камне.

– Ты поступил правильно, – произнесла она спокойно. – Иногда удержать меч труднее, чем обнажить его.

– Это не решение, – ответил я. – Это отсрочка.

– Иногда отсрочка – единственное, что спасает власть от позора.

Мы смотрели друг на друга, и между словами зияло всё то, что нельзя было назвать.

– Совет будет доволен. Народ – тоже. У нас появился день. Используй его мудро.

Она подошла ближе, чем обычно – шаг, ещё один. Между нами остался только воздух, натянутый, как струна.

– Совет ждёт наследника, – произнесла она тихо, глядя прямо в глаза.

– Я в курсе, – ответил я, стараясь не выдать усталость.

– Тогда не заставляй их ждать, – её голос стал мягче, почти ласковым. – Сегодня у нас редкая ночь без свидетелей, без печатей и клятв. Пусть она принесёт хоть что-то, кроме тревог.

Она подняла руку – едва коснувшись моего воротника, расправляя несуществующую складку. Пальцы скользнули по коже чуть дольше, чем требовал этикет.

– Мир можно удержать разными способами, Кайрен. Иногда – тёплыми, – её дыхание коснулось шеи, и всё в этом движении было расчетом, но тело всё равно отозвалось.

Я не двинулся.

Не сразу.

Она ждала – не взгляда, не слова, только шага.

Шага, который сделал бы меня частью ее жизни. Совета. И долга.

– Решай, – сказала Лайриса почти беззвучно. – Власть – это тоже выбор.

Она шагнула к двери, не дождавшись ответа.

На пороге обернулась через плечо:

– Если передумаешь – я не запрю.

Дверь закрылась.

Огонь в камине вспыхнул ярче, пламя всегда требует плату.

Глава 12 Не та

Ночь не спала вместе со мной.

Огонь в камине почти погас – остались только красные угли, слабые, упрямые. Я сидел перед ними не двигаясь. В такие моменты замок казался слишком большим, а тело – слишком тесным для мыслей, что не помещались внутри.

Лайриса сказала всё верно.

Союз. Наследник. Порядок.

Всё звучало разумно. Слишком разумно.

Я провёл рукой по лицу. Кожа была горячей – не от жара, а от того, что я слишком долго держал себя в руках.

Селин.

Имя вернулось само.

Я не звал его.

Я вообще давно перестал произносить его вслух. Думал, что убрал её глубоко.

Закрывл память камнем. Похоронил.

Но сейчас её взгляд всё ещё стоял передо мной – тот самый, из темноты.

Не мольба.

Не ненависть.

Не любовь.

Пустота.

Холодная, как клинок, нацеленный в сердце.

И всё же...

Я бы отдал жизнь, чтобы снова услышать, как она дышит рядом.

Я выдохнул – тихо, болезненно.

Это не было слабостью.

Это было честностью, которую нельзя произносить при других.

Я поднялся – просто чтобы пройтись, чтобы не чувствовать, как стены сдавливают плечи.

Шаг. Ещё один.

И тогда услышал шорох.

Едва различимый, как движение воздуха на вдохе.

Из купальни.

Я замер.

Не огонь внутри – он был тихим.

Это не отклик. Не связь. Не зов.

Если бы была она – я бы знал.

Я всегда знал.

Но...

Я слишком долго хотел, чтобы это было возможно.

Может, она решила...?

Может, пришла всё-таки сказать слово, хоть одно...?

Глупая мысль.

Опасная.

Та, что ломает людей сильнее меча.

Я не сразу позволил себе движение.

Пальцы едва дрогнули – и этого было достаточно, чтобы
понять: я уже решил.

Не потому что верю.

Потому что хочу.

Подошёл к двери купальни.

Рука легла на створку.

Я не чувствовал отклика огня – и всё же сердце ударило так, будто он горел.

Медленно открыл дверь.

Влажный воздух встретил теплым паром.

Свет был мягким.

Тени – длинными.

И она стояла там.

Её силуэт.

Её волосы.

Её тишина.

Моя грудь сжалась – так быстро, так остро, что воздух стал ненужным.

– Селин... – выдохнул я.

Это было не имя.

Это было признание.

Она стояла ко мне вполоборота – будто боялась повернуться полностью, будто сама не выдержала бы моего взгляда.

да.

Волосы – те же.

Плечи – хрупкие, знакомые.

Силуэт – такой, от которого мир когда-то становился меньше.

Я не дышал.

Половина сердца уже верила, вторая – падала куда-то в тьму, откуда поднимаются только те, кто слишком долго любил.

Она не назвала мое имя.

И это было первым предупреждением.

Но я не хотел слушать предупреждения.

Я сделал шаг.

Другой.

Рука поднялась сама – будто проклятая память вела меня вместо воли.

Я почти коснулся её плеча.

И в этот момент она двинулась.

Резко.

Слишком резко.

Не как Селин, которая всегда подходила мягко, как будто давала время отступить, если я это выберу.

А так как соблазняют по расчету.

Она обвила мою шею руками, прижалась всем телом, губами коснулась линии челюсти – уверенно, точно, требовательно.

И мир... перекосялся.

Потому что это было неправильно.

Потому что запах не тот – не дождь, не трава, не дым от костра на берегу – а сырость болотного дыма, терпкая, с металлической горечью.

Потому что кожа не отзывалась – не та теплая дрожь, которая шла из груди наружу, а чужая, ровная, будто у куклы.

Потому что огонь не поднялся.

Даже искры не было.

Я перехватил её запястье.

В тот же миг – холод стали коснулся моего ребра.

Кинжал.

Тонкий, убийственный. Ведьмин.

Я выдохнул медленно – не отпуская, не отшатнувшись.

– Кто ты? – тихо.

«Селин» попыталась уйти из захвата – не так, как она.

Не телом, памятью.

Движение чужое. Осторожное. Просчитанное.
Я встряхнул её, прижал к стене. Не грубо – точно.
Кинжал между нами дрожал.
– Назови своё имя, – сказал я, глядя ей прямо в глаза.
Она молчала.
И именно в этот миг дверь распахнулась.
Лайриса.
Без крика.
Без слов.

Без шагов вперёд.
Только взгляд.
Боль.

Ярость.

И – разрушение всего, что еще держалось на месте.
Кинжал выпал из чужих пальцев.
Звук металла о камень прозвучал громче, чем фанфары.
Я всё ещё держал «Селин» за запястье.
Она не сопротивлялась.

Просто смотрела на Лайрису – ровно.

Холодно.

Три человека.

Одна правда.

Ни один её не произнёс.

Глава 13 Угроза

Селин Таль

Дверь жалобно скрипнула, и я снова оказалась среди ведьм. Сердце все еще стучало в висках загнанной птицей. Я замерла, стараясь выровнять дыхание и успокоиться.

Никто не должен знать, что я выходила и где была.

В комнате царил серый предрассветный полумрак.

Все лежали. Будто спали крепким, здоровым сном.

Я сняла плащ, опустилась на свою постель и натянула одеяло до самой головы, словно старалась спрятаться.

И тогда раздался шорох.

Едва слышный.

Как будто кто-то поправил подушку, повернул голову.

Я замерла, боясь посмотреть в ту сторону.

Слева. На соседней постели расположилась Найра, и мне оставалось только надеяться, что она не проснулась.

Утро не наступило – оно просочилось.

Серый свет пробился между ставнями, холодный и безрадостный, как вода из-под льда.

Мы сидели молча.

Пять ведьм, и тишина между нами казалась теснее, чем стены.

Найра, завязывая ремешок на рукаве, бросила короткий взгляд в мою сторону. По спине пробежал холодок, но я заставила себя принять ее взгляд спокойно. Она не знает, не должна знать.

Дверь распахнулась без стука.

Служанка – та же, что вчера показывала мне путь, появилась на пороге.

Сегодня её взгляд был другим. Не почтение – страх.

Она присела в поклоне, но слишком поспешно выпрямилась, словно хотела уйти отсюда как можно быстрее.

– Миледи... ведьмы... – голос сорвался. – Нападение на границу. Совет... требует, чтобы вы проследовали... под охрану. Пока... не будут выяснены обстоятельства.

Пауза.

Тонкая, как лезвие.

Слово охрана было сказано мягко.

Значение – нет.

Девушка выскочила из комнаты, не закрыв за собой дверь. Но ни одна из нас не пошевелилась, безропотно принимая судьбу.

Охрана появилась спустя несколько мгновений.

Нас не связывали. Не толкали. Не торопили.

Стража шла рядом – по двое, с обеих сторон.

Они не прикасались, но окружили так плотно, что казалось – воздуха меньше, чем стали.

Замок, ещё вчера наполненный музыкой и золотым светом, теперь звучал приглушенно.

Шёпот. Оборванные фразы.

Взгляды – одни быстрые, другие неприкрыто злобные, слишком длинные и пристальные.

Я не поднимала глаз, но чувствовала их.

Вели нас медленно, через главный зал. Словно показывали.

Именно так. Чтобы каждый в замке видел, а ведьмы знали, где их место.

Мы приближались к галерее, и я чувствовала, что он там.

Он был.

Стоял, опершись ладонью о каменную колонну.

Без мантии. Без охраны. Без привычной холодной маски

правителя.

Просто смотрел.

Я хотела пройти мимо. Тихо. Ровно.

Как будто его взгляд не прожигал кожу – слой за слоем, до самых костей.

Сердце сжалось слишком резко. Слишком узнаваемо. Внутри все рвалось к нему, но я не позволила себе даже взгляд.

Нас заперли не в темнице – это было бы слишком громко и честно.

Но и гостевыми эти комнаты назвать было нельзя.

Каменные стены, узкие окна под потолком, куда свет добирается только к полудню.

Мало мебели.

Много стражи за дверью.

И воздух – тяжелый.

Как будто здесь когда-то уже ждали приговора.

Мы вошли.

Никто не проронил ни слова.

Старшая опустила на скамью, не снимая капюшона. Остальные ведьмы стояли. Ровные, собранные. Только я не

находила себе места.

Тишина висела недолго.

– Мы не можем оставаться здесь и ждать, – первой заговорила Терра. Самая молодая, самая горячая. – Они хотят нас обвинить. Ты слышала речи Совета. Это ловушка.

– Ловушка была с того момента, как мы переступили порог, – откликнулась другая.

– Надо уходить. Сегодня. Пока не поздно.

Старшая подняла голову – медленно.

– И как?

Терра открыла рот, но ответа не было.

Болота далеко.

Стража усилена вдвое.

Мы в сердце цитадели драконов.

– Бегство лишь подтвердит вину, – произнесла Старшая спокойно. – Тогда нас сожгут и без Совета. Вы забыли про нашу цель.

Тишина.

Густая. Липкая.

Я стояла у стены, до хруста сжимая пальцы. Происходящее не укладывалось в голове. Единственное, чего я хотела – спасти сына. И теперь мы все в опасности.

Найра – молчала.

Стояла чуть в стороне, как всегда.

Под капюшоном не видно лица, но я чувствовала её взгляд.

Не на дверь.

Не на стражу.

На меня.

– Тебе есть что сказать, Найра? – тихо спросила Старшая.

Она подняла голову.

Её глаза были спокойные.

Слишком спокойные.

– Уходить поздно, – сказала она. – Оправдываться – бесполезно. Нас не слушают. Никто не хочет слушать.

Пауза.

– У нас остался только один путь.

Тишина упала резко, как камень в воду.

Все посмотрели на меня.

Найра шагнула ближе.

– Ты ходила к нему, – произнесла она. – И не сделала то, что должна. Теперь у нас нет времени.

Я слышала только стук крови.

Гул.

Давление изнутри.

– Ты думаешь, это игра. Что его можно... – она чуть качнула головой, – переубедить. Но он – правитель. Ты должна была стать клинком. Но ты дрогнула.

Она говорила тихо, ровно.

И именно поэтому слова резали глубже.

– Время закончилось, – добавила Найра. – Если ты не можешь, заплатит твой сын.

Я вскинула голову.

– Вы не тронете его.

– Значит, ты пойдешь, – ответила она. – И в этот раз – не дрогнешь.

Мы стояли друг напротив друга.

И это был приговор, которого я боялась, но ждала.

Глава 14 Там, где кончается выбор

Комната была слишком мала для пяти тел и слишком велика для одного страха.

Я сидела в углу, поджав ноги, прижав локти к грудной клетке – будто так можно было удержать разорванное внутри. Камень под спиной был холодным, но я едва чувствовала кожу. В груди все сводило, как будто воздух стал вязким, тягучим, и не хотел входить.

Ведьмы держались подальше.

Не демонстративно.

Не жестом.

Просто стояли так, будто я излучала что-то, к чему нельзя прикасаться. И это было хуже любого обвинения.

Я слышала, как Найра и Старшая говорили шёпотом. Неразборчиво. Сухо. Ровно. И каждый раз, когда их голоса стихали, я знала – они снова смотрят на меня.

Я не поднимала голову.

Солнце медленно уходило. Свет слабел. Тени вытягивались по полу, словно пытаюсь добраться до меня.

К вечеру голоса стихли. Даже дыхание – будто стало одинаковым у всех.

Старшая развернулась ко мне.

– Спать.

Я не сразу поняла ее.

– Сейчас? – голос вышел шероховатым.

– Сейчас, – повторила она. – Завтра – день решений.

Слова не звучали угрожающе. Но в них не было и надежды. Я не шевелилась.

Тогда она подошла – впервые коснулась меня за все эти дни.

Её ладонь легла мне на лоб, тёплая, как вода, в которую опускают рану.

– Тише, – сказала она.

И я провалилась.

Не во тьму. Не в сон. А в мягкое падение – без сопротивления, без мысли, без возможности удержаться.

Как будто меня кто-то выключил.

Вынырнула я резко – будто меня вытолкнули из глубины.

Воздух резанул легкие. Сердце ударило в грудь так сильно, что на миг в глазах помутнело.

Тьма комнаты еще не рассеялась полностью. Утро только подступало, бледное и без тепла. Ведьмы спали – или делали вид. Медленные, ровные вдохи. Никаких слов. Никакого суда.

А внутри меня – рваное дыхание, дрожь, пульс в пальцах.

Обрывки всплывали всполохами:

Теплый пар купальни.

Кайрен – совсем близко.

Его глаза – не ледяные, не чужие.

Мгновение, в котором я почти... позвала его по имени.

И – блеск клинка.

Горячий свет пламени за его спиной.

Резкое сближение, его рука на моем запястье – крепче,
чем память.

Я вдохнула глубже, словно могла вдохнуть ясность.

Нет.

Это не могло быть явью.

Ведь я не ходила. Я лежала. Здесь. Под каменным потолком.
Под взглядом Старшей. Под решением Найры.

Это был сон, порожденный страхом.

Или память – слишком живая, чтобы умереть, как я должна
была.

Пальцы дрогнули. И тогда я почувствовала вес под плащом.

Кинжал был там. Гладкий. Холодный. Реальный.

Словно спрашивал: Ты уверена, что это был сон?

Губы пересохли. Я медленно огляделась – не поворачивая
головы.

Все на месте.

Серые плащи свалены у стен.

У двери – стража, силуэты угадываются по свету из коридора.

Тишина.

Но что-то в комнате стало иным.

Не воздух. Не стены. Я была иной.

Словно граница внутри меня, на которой я все эти дни держалась, – тонкая, натянутая, почти священная – треснула.

Я приложила ладонь к груди.

Сердце билось слишком быстро.

Слишком живое, чтобы быть просто телом, ожидающим приказа.

Я зажмурилась.

Это был сон.

Это был сон.

Только сон.

И всё же...

Я сидела, прижимая ладони к коленям, будто могла удержать себя от расползания.

Ведьмы просыпались по одной.

Медленно. Тягуче. Тишина в комнате была странной – не утренней, а настороженной. Как будто все уже знали, что принесет этот день.

Старшая поднялась первой.

Её лицо – то же. Тень под глазами – та же. Голос – ровный.
Этой ночью я должна была пойти.

Должна была дойти.

Должна была вынуть клинок и покончить со всем одним ударом.

Но я не пошла.

Меня не отправили.

Почему?

Старшая не смотрела в мою сторону.

Терра нервно теребила рукав.

Две младшие ведьмы прятали глаза в пол.

А Найра...

Найра просто стояла и смотрела прямо на меня.

Без злости.

Без торжества.

Без обвинения.

Моя грудь сжалась так, что я почти закашлялась возду-

ХОМ.

Они знали.

Они заранее решили, что я не справлюсь.

Или у них был другой план?

Шаги в коридоре – тяжелые, уверенные – остановили мысли.

Стража вошла первой.

Пять человек.

Достаточно, чтобы не ошибиться.

За ними – лорд Морвенн.

Белый плащ.

Тонкие перчатки.

Выражение лица – без эмоций. Даже без презрения. Только долг. Соль династий.

– Делегация ведьм, – произнёс он, и слова упали в тишину сухо, как кость на камень. – Совет завершил рассмотрение слухов.

Никто не пошевелился.

– Вам не предъявлено обвинений, – продолжил он. – После заключительной церемонии вы свободны вернуться домой.

В груди дернулось что-то похожее на облегчение.

Он выдержал паузу и посмотрел на меня.

– Селин Таль, – сказал лорд Морвенн, и его голос был ровным, как лезвие ножа. – Совет рассмотрел доказательства. Было установлено, что вы проникли в покои предводителя и подняли на него оружие.

Мир звякнул.

Как металл, ударившийся о мороз.

– Вас поместят в казематы до исполнения приговора.

Тишина была абсолютной.

Никто не вскрикнул.

Никто не возразил.

И вдруг меня схватили – резко, уверенно, будто просто переставляли предмет с места на место. Рука стражника впилась в плечо, вторая – перехватила запястье и подтянула к себе.

Холод ударил в кожу.

Металл защелкнулся вокруг запястья – тонкий, гладкий, словно без замка.

Погасло все.

Огонь под кожей, дыхание магии, сама возможность подумать о силе – исчезли.

Я осталась пустой.

– Сдерживающий браслет, – сказал кто-то рядом. Не мне.

Для протокола.

Меня потащили вперед. Я дёрнулась – тело подчинилось, но внутри было тихо, мертво.

Как будто меня вынули из самой себя.

Я подняла голову – ведьмы стояли, как каменные. Не подходили. Не говорили.

Найра смотрела прямо на меня.

Без жалости.

Без торжества.

Просто – как на шаг, сделанный по плану.

– Пощадите сына! – сорвалось у меня, как рана, как кровь, как просьба, которую нельзя было не сказать.

Слова ударились о стены и растворились.

Меня повели вниз – по узкому коридору, где воздух становился тяжелее с каждым шагом.

Камень холодил. Свет гас.

И только браслет на запястье весил так, будто держал всю мою жизнь.

Глава 15 Когда долг режет горло

Кайрен Ардэлл

Едва ночь отступила, я уже был на ногах.

Спать не получалось – слишком много тишины, слишком мало ответов.

В голове всё снова возвращалось к одному: к лицу, которое было не её, и к клинку, блеснувшему у моего горла.

Я до сих пор чувствовал сталь кожей, хотя раны не было. Ведьмы содержались под наблюдением – так мне сказали на Совете.

Временная мера. Охрана. Проверки. Осторожность.

Один день, который я выпросил – и для них, и для себя. Этот день истекал.

Я позвал стражу и приказал проводить меня к ним.

Мне нужно было видеть их. Видеть ее. Убедиться, что то, что случилось ночью, – не больше чем чужая подмена, ловкий обман, а не правда, в которую так удобно поверит Совет. Коридоры были непривычно тихими.

Замок дышал тяжело, будто сам чувствовал, что сегодня придётся выбирать, кого сдать ради спокойствия остальных. Полумрак стоял тот самый – еще не свет, но уже не ночь.

Та серая зыбь, в которой чаще всего совершаются грязные решения.

И именно в этой серости я узнал – слишком поздно, – что одно из таких решений уже принято.

Стражник перехватил меня в переходе к западному крылу.

– Милорд, – он поклонился слишком низко, почти виновато. – Делегация ведьм освобождена. Им возвращены покои.

Сердце на миг отпустило.

– И Селин Таль? – спросил я ровно.

Стражник вздрогнул.

Это был первый удар.

– Милорд... леди Селин Таль... – он сглотнул. – Она заключена в нижнем блоке. До решения Совета.

Холод прошелся по позвоночнику.

– Кто отдал приказ?

– Лорд Морвенн, милорд. В связи с... – он замялся, – с покушением.

Я застыл.

Покушение.

Подмена.

Морвенн.

И – ни слова мне.

Гнев поднимался медленно – как огонь, который сначала греет грудь, а потом рвётся наружу, ломая рёбра изнутри.

Но я его удержал. Сейчас нельзя.

Селин не могла напасть на меня.

Я видел это в её глазах той ночью – наяву или нет, но видел.

Она не подняла бы клинок против меня.

Никогда.

И если я понимаю это – Морвенн тем более понимает.

Он слишком умен, чтобы поверить в подобную ложь.

Значит, дело не в правде.

Дело – в выгоде.

Коридор перед покоем, где обычно собирался Совет, был пуст.

Так бывает только тогда, когда решение принято без тебя. Морвенн стоял у окна, спиной ко мне, будто рассматривал дождевую полоску на камне, а не ждал моего появления.

– Лорд Морвенн, – начал я жёстче, чем хотел. – Вы не имели права отдавать приказы без моего ведома.

Он даже не повернулся сразу.

Стоял спокойно – слишком спокойно.

– Я имел право, – ответил он наконец. – Потому что вы – будущий супруг моей дочери. И правитель престола, который сейчас шатается. И если вы заняты... другими мыслями, то кому, как не мне, удерживать равновесие?

Холод стал острее, как лезвие под ребром.

– Её задержание было необходимо, – продолжил он ровно. – Никто не говорит ни о казни, ни о приговоре. Она будет содержаться под стражей до заседания Совета.

– Совет ещё не собирался.

– Соберется. И ему нужно будет увидеть, что вы владеете ситуацией. Сегодня завершающий день церемонии. Домам важны не слова, а знаки. Если вы покажете слабость сейчас – вы потеряете не ведьму. Вы потеряете всё.

Он сделал шаг ближе.

В его глазах – ни капли волнения. Только расчёт.

– Ваш долг – не спасать гостью, – сказал он тихо. – Ваш долг – укрепить союз, дать стране наследника и показать миру, что трон для вас выше сердца.

Я сжал кулаки, чувствуя, как ногтями режу собственную ладонь.

Он наклонил голову – учтиво, почти вежливо. Но этот жест был предупреждением.

– Вам стоит думать не о судьбе ведьмы, – произнёс Морвенн. – А о судьбе вашей власти.

И он ушёл.

Оставив после себя запах дыма... и ощущение, будто меня только что загнали в клетку.

Коридоры будто сжимались, глотали воздух.

Каждый шаг отдавался под рёбрами – потому что внутри все рвалось наружу: отменить. Остановить. Плюнуть на обеты и на династии, на долбаную роль, что навесили на меня.

Этот союз уже пах ненавистью.

Я остановился у двери.

Рука легла на латунную ручку сама – как будто тело решило раньше сознания.

За дверью – женщина, которую я обязан повести к алтарю.

А под камнями в темнице – ведьма, которую я не имел права даже желать спасти.

Но именно её запах стоял передо мной.

Её голос.

Её страх.

И клинок, блеснувший возле моей шеи.

Не её клинок.

Я вдохнул еще раз – ровно, почти отрывисто.

Если я войду...

Если скажу всё, что кипит внутри...

Мир снова треснет.

Я сжал пальцы на ручке.

Металл был холодный.

Как чье-то горло.

Глава 16 Право, которое лучше не использовать

За дверью – женщина, с которой меня сегодня должны обручить перед всеми домами.

В подвале – ведьма, которую уже успели записать в предатели.

А между ними – я, который слишком поздно понял, что собственный трон стал ловушкой.

Если отступлю сейчас – меня дождут.

Если войду – тоже.

Я всё-таки дернул ручку.

Покои Лайрисы были безупречны, как и она сама.

Ткань, золото, ледяной порядок.

Она стояла спиной ко мне перед зеркалом, поправляя цепь у горла.

– Ты рано, – произнесла она, увидев меня в отражении. – До церемонии еще несколько часов.

Я закрыл за собой дверь.

– Нам нужно поговорить.

Она повернулась. Никакого удивления. Только сосредоточенность – холодная, расчетливая.

– Если это о ведьмах, – протянула она, – Совет уже принял меры. Делегация освобождена. Ты же этого хотел.

– Хочу знать другое, – прервал ее я. – Почему одна из них сидит в цепях?

Пауза. Незаметная, но она была.

– Селин Таль, – произнесла Лайриса ровно.

– О ней.

– Она напала на тебя. В твоих покоях. – Лайриса говорила без нажима, как человек, уверенный в весе собственных слов. – Стража подтверждает проникновение. Ты думаешь, Совет может оставить подобное без внимания?

Я шагнул ближе.

– Стража не видела её лица. И Совет тоже. У них только твоя версия.

Подбородок Лайрисы чуть приподнялся.

– Ты сомневаешься во мне?

– Я знаю одно, – тихо сказал я. – Селин не подняла бы клинок на меня по своей воле. И ты знаешь это не хуже меня.

В её глазах дрогнула тень – не эмоция, а расчет.

– Но остальные верят, что подняла, – ответила она. – А значит твоя власть сейчас крепче. Никто не заметит исчезновения одной ведьмы. Зато увидят правителя, который не дрогнул.

Жар поднялся изнутри – жёсткий, почти обжигающий.

– Ты решила за меня, чем мне жертвовать?

– Я защитила нас, – возразила Лайриса. – Наш союз и твой престол. Если виновная сидит внизу, то остальные дома спокойны. Всё просто.

И вот тогда я увидел: для неё это и правда было просто.

Фигуры на доске. Каждая – на своём месте.

– Ты слишком многое позволяешь себе решать за меня, – произнес я жестко.

Тишина стала острее.

– Что ты собираешься делать? – спросила она. В голосе – тонкий металл.

Я вдохнул.

– Обряд присвоения жизни.

Она замерла. Пальцы на цепочке чуть дрогнули.

– Его не использовали веками.

– Но он всё ещё действует.

Пауза стала вязкой.

– Этот обряд, – напомнила Лайриса, – связывает правителя и преступника слишком крепко. Он ударит не только по ней, но и по тебе. Ты уже никогда не будешь прежним.

Я кивнул.

– Я знаю.

Её взгляд стал резче.

– И ты действительно хочешь связать себя с ведьмой? С той, кого считал мёртвой и давно забыл?

Я выдержал ее взгляд.

– Да.

Она молчала несколько долгих мгновений.

– И ты всё ещё собираешься жениться на мне после этого?

– спросила не мягко, а с тенью вызова.

– Если ты сегодня станешь моей женой, – сказал я с ударением на первом слове, – ты будешь слушаться меня. Не отца. Не Совет. Меня. И больше никогда не посмеешь плести интриги за моей спиной.

Лайриса прищурилась – впервые.

Это была не уступка. Я изменил правила, и она это поняла.

– Делай, что считаешь нужным, – произнесла сдавленно. – Но помни: Совет повернёт твой выбор против тебя. И против нее.

– Не сильнее, чем это сделала ты, – ответил я.

Она едва заметно дернулась.

– Тогда иди. До церемонии осталось мало времени.

Я вышел.

Зал Совета встретил меня холодом. Морвенн уже был там, будто ждал.

– Милорд... – начал он.

– У меня заявление, – перебил я.

Тишина стала плотнее.

– Ведьма Селин Таль обвиняется в покушении на мою жизнь. Совет готовит приговор?

– После церемонии... – начал один из старейшин.

– Нет, – сказал я. – Приговора не будет. По праву правителя я требую применения обряда присвоения жизни.

Воздух в зале дрогнул.

Старейшины переглянулись. Морвенн впервые потерял маску спокойствия.

– Ты понимаешь последствия? – спросил он.

– Лучше, чем вам бы хотелось, – ответил я.

– Такие связи не рвутся сами, – заметил советник. – Любая твоя рана ударит в нее. Но и ее смерть ослабит тебя. Это клеймо. Не милость.

– Мне не нужна ни милость, ни ваша казнь, – сказал я.

– Мне нужно, чтобы её освободили из подвала – живой. И чтобы решение было за мной.

Морвенн медленно кивнул.

– Мы подготовим писца. И заверим обряд официально.

Сегодня же.

– До церемонии, – уточнил я.

– Как пожелаешь.

Коридор, ведущий в нижний блок, был холоднее прежнего. Камень будто скрипел под ногами.

Я шел один. Без стражи.

С каждым шагом внутри поднималось чувство, похожее на напряженный аккорд:

не страх,

не вина,

решимость, за которой нет пути назад.

Где-то впереди, за камнем и железом, сидела ведьма, чей приговор и спасение я только что подписал.

Пламя внутри меня дрогнуло.

Слабый отклик.

Она была здесь.

Я остановился перед дверью.

Рука легла на железо.

За этой стеной – та, кого мир уже решил назвать преступницей.

А я – связать с собой.

Как сказать ей, что казни не будет...

что будет другое?

Что хуже.

Но позволит ей жить.

За дверью кто-то шевельнулся.

Я вдохнул, сжал пальцы на засове –

И ПОТЯНУЛ.

Глава 17 Тонкая нить между нами

Путь вниз оказался длиннее, чем должен быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.